

Нелёгкий путь Чёрного командора

Моджахеды называли его «Чёрным командором» не только за то, что он, будучи танкистом, носил чёрную, всегда выглаженную даже в таких условиях форму, в то время как остальные командиры носили зелёную, но и в знак восточного уважения... Они предлагали за его жизнь 800 тысяч афганий, в то время как головы других офицеров оценивались в 500 тысяч.

Наши солдаты и офицеры в знак уважения каждый раз при входе его в столовую включали песню «Белый аист летит...», потому что он был из Беларуси... Полковник Пётр Суман провёл в Афгане не одну сложную операцию. Несмотря на боль и горечь, он вспомнил те времена...

КРОВЬ КАК РТУТЬ

Подполковник Пётр Суман прибыл на должность командира 285-го танкового полка в Афганистан в июне 1983 года.

«К Афгану надо присмотреться, - так учил своих солдат Пётр Романович. - На дороге, хоть и не часто, но чего только не встретишь.

Если встречаешь транспорт, то радуйся, значит, дорога не заминирована, а если он остановился, то... жди подрыва. Так что, проезжая кишлаки – «не лови коробкой мух», ведь если водители «барбухаек», увешанных цепями и разукрашенных под балаган, останавливаются и пьют чай, нужно делать вывод».

Транспорт их всегда был переполнен и даже с крыш «барбухаек» гроздьями свисали иссиня-чёрные высохшие старики, дети и женщины в паранджах. Микроавтобусы и легковые машины если и были, то с «выпотрошенными» салонами, чтобы быть повместительней. Деревья - редкость, даже пожухлой травы не видно, везде, всюду, на всём - хорошо прожаренная солнцем белёсая пыль, похожая на лёгкий цементный порошок.

Условия жизни тяжёлые. Жара за 40 градусов. Проклятый ветер-афганец всегда, казалось, бил песком прямо в лицо и, поднимаясь в пыль, создавал непроглядную темень. Мелкий песок постоянно прилипал к телу, хотелось пить. У солдат было только одно желание:

найти прохладное место.
Бдительность в таких условиях

.. .Обернувшись, я увидел, как на обрубленных культах стоял весь окровавленный сапёр. И так чётко и спокойно, посмотрев на фельдшера, он сказал: «Помоги мне, пожалуйста!»

теряется, всё притупляется, а действия замедляются. Любая царапинка на теле покрывалась гнойниками. Раны текли и заживали с трудом. А кровь из ран почему-то лилась капельками, похожими на ртуть.

Армейские операции обычно длились до 10 суток. Вши заедали. Приходили, раздевались догола, вся одежда, полная вшей, сжигалась в топке. Потом по 9-12 человек залезали в специальные кабины, где температура поднималась до 120 градусов. Все вши дохли. Оттуда выскакивали - и в баню. Потом солдаты получали новое обмундирование и стриглись наголо. Воду они пили только привозную. На сутки давали флягу - 900 граммов воды. Какое там умыться - только губы смочить. А в горных реках хоть и кристально чистая вода, как глотнул - или дизентерия, или гепатит, или тиф.

Ночь - абсолютный мрак. Здесь нужно было уметь улавливать движение не просто ветерка, а воздуха, научиться слышать даже хруст сустава. Ведь все душманы - охотники. Крадущимся, незаметным шагом они перемещались, как призраки, движения как у кошки. Нужно было следить за каждой мелочью: когда горный орёл кондор сам взлетел, а когда его спугнули.

«Питались? Да там не лезет ничего, даже не знаю, как выживали. Порой нужно было заставлять солдат, чтоб они хоть полбанки

сгущёнки съели. Невозможно было отогнать солдат от горной смолы, лечебного мумиё. Она хоть и лечит все болезни, но при определённой дозировке», - вспоминает Пётр Романович.

К декханам, старикам, жителям кишлаков Суман относился с почтением, а на просьбы детишек, которые облепливали военных и заученно лепетали: «Командор, посёл на ...! Дай закурит», - всегда улыбался и угощал их конфетами.

Он не мог равнодушно проходить или проезжать в своей зоне ответственности мимо 3-5-летних мальчишек, у которых вместо ручки болталась культя или вместо ножки висел замотанный обрубок штанины. Такие были на каждом шагу. А ведь из каждого из них вырастал воин, защитник рода, со всеми их врождёнными качествами и повадками: бесшумный, кошачий крадущийся шаг, мастерское владение всеми видами оружия, выносливость и неприхотливость. «Джихад - дело мужчин... Вести войну с нарастающей яростью. Убивать, уничтожать и истреблять оккупантов...» - так требует Самоучитель исламского воина.

Ночь - абсолютный мрак. Здесь нужно было уметь улавливать движение не просто ветерка, а воздуха. Ведь все душманы - охотники. Крадущийся, незаметный шаг, слышен может быть только хруст сустава. Перемещается как призрак, движения как у кошки. Нужно было следить за каждой мелочью: когда горный орёл кондор сам взлетел, а когда его спугнули.

КРЕПОСТЬ САЯД

Необходимость захода в Саяд была вызвана сменой танкового взвода, который там находился на

усилении роты охраны, доставкой боеприпасов и продовольствия и проверкой, как несут службу находящиеся там подразделения. Этот небольшой гарнизон осуществлял пропуск через подвесной мост со стороны зелёной зоны Чарикара, которая находилась под контролем моджахедов. Это была зелёная долина с густой сетью глубоких каналов и валов высотой 1,5-2 метра, по которым вился виноград. Все сооружения в ней и глинобитные крепости были приспособлены к бою.

«Выстроившись в колонну, мы быстро тронулись, везя на броне БТРов облепившую их, как гроздь винограда, пехоту. Сидевшие на броне солдаты и офицеры очень быстро покрылись мягкой дорожной афганской пылью, и все стали одинаковыми, как близнецы, выделяли их только белые зубы и безразличные глаза. На броне их так трясло и мотало, что сидеть было не только ужасно неудобно, но и опасно. Самое главное - не слететь на крутом повороте с брони под гусеницы или колёса идущих сзади машин. Зато при подрыве избегаешь контузии и оглушения.

Проезжая мимо кишлаков, обсаженных абрикосовыми садами, плоды которых так соблазнительно висели на высоких деревьях, и, глядя на них, совсем не верилось, что на этой земле идёт война. Но на всём протяжении пути к крепости Саяд, как памятники, на обочине лежали груды искорёженного, ржавого, обгоревшего металла - свидетельство о жестоких боях и больших потерях тех, кого мы сменили».

Поначалу всё шло хорошо. Пока дослуживающий уже последние дни в Афгане «старик», вот-вот ожидающий замену, не решил, что ему негоже глотать пыль

за танками. Он обогнал всех и ушёл вперёд, хотя должен был на марше обезопасить БРДМ-2. Час спустя, при подходе к кишлаку, на другой, дальней окраине которого находилась крепость Саяд, на берегу реки, Пётр Суман увидел, как из-под БТРа взметнулось чёрное облако взрыва. «Есть! фугас», - молнией сверкнула мысль, - вспоминает он. - Ведь чёрный дым это не сизый, то есть фугас, не мина. Я видел, как капитан Танкогос прикрыл своим танком искорёженный БТР и пытается что-то предпринять у рассыпавшихся мотострелков и открывших беспорядочную стрельбу в сторону кишлака. Командир батальона, весь скрюченный, припадая на правую ногу и пробуя поднять и удерживать левой рукой перебитую правую, пытается удерживаться на ногах, что с трудом ему удаётся, и что-то командовать. Подойдя к ним вплотную, мы танками вышли вперёд, прикрывая БТРы рассыпавшуюся пехоту. Соскочив с танка, я бросился к пехоте и потребовал прекратить стрельбу». Сделать это было непросто. Лишь спустя 15 минут безумной стрельбы всё утихло. Вот только командир батальона был тяжело ранен. Скорчившись от боли и пряча глаза, он прошептал:

–Спасибо, командир... Ну вот и всё.

–Ничего, через неделю станешь в строй, - выдавив улыбку уголками рта, обнадёжил его Пётр Суман, хотя думал совсем иначе.

На ходу перевязывая раненых и оказывая помощь, быстро загрузив всех на уцелевшие БТРы, колонна двинулась на блок-пост. И только дёрнулись машины, не успев тронуться, как из-под колёс ещё одного БТРа вновь прогремел взрыв.

«Меня опрокинуло взрывной

волной, больно ударило в лицо острыми кусками скального грунта», - вспоминает комполка. Пётр Суман поднял голову и увидел, что стоявшие в трёх шагах от него, рядом с БТРом, солдаты исчезли... На их месте в небольшой воронке на песке взрывом были разбросаны ошметки мяса, куски тел, руки, ноги, ключья формы. На месте воронки песок почему-то стал чёрным, а свежая кровь обволакивала его, струясь из останков тел. Ощупывая шумевшую и больно трещавшую голову, чувствуя твёрдость черепа, он осознавал, что жив.

«...К вечеру мы благополучно оставили крепость Саяд. Хотя на душе было неприятно, ведь увиденное и пережитое

*.проезжая кишлаки,
- «не лови коробкой мух», ведь
если водители «барбухаек»,
увешанных цепями
и разукрашенных под балаган,
останавливаются и пьют чай,
нужно делать вывод.*

за день оставило свой отпечаток».

В ЛОГОВЕ «ЛЬВА»

Самой крупной и сложной операцией 1984 года было освобождение Панджшерского ущелья. Эта местность принадлежала богатейшему афганскому феодалу Ахмад Шаху Мосуду. Золото, лазурит, сера и нескончаемые поля опийного мака и конопли были главными сокровищами Панджшера. И «Лев Панджшера» Ахмад Шах Мосуд держался за них «зубами и когтями».

Советские части уже дважды пытались утвердить народную власть в ущелье. С боями они занимали все кишлаки и аулы, прочёсывали горы и поля. Но когда «шурави» и «зелёные» уходили (так

называли советских и афганских солдат и офицеров), Ахмад Шах вновь спускался с гор в свои владенья. И всё оставалось по-прежнему...

Но был и третий бросок. Бросок Чёрного командора.

Во время операции в зелёной зоне Чарикара его отозвали ночью, чтобы получить назначение для руководства силами и средствами по освобождению долины Панджшер. Ждал сам маршал Советского Союза Соколов. «Я попытался возразить, что я танковый командир, а для этих целей целесообразно использовать командира-мотострелка», - вспоминает Пётр Романович. Маршал Соколов улыбнулся, подошёл к нему, похлопал по дружески по спине и сказал, что Военный Совет доверяет эту задачу именно ему. Ведь за плечами подполковника Сумана на тот момент уже была не одна серьёзная боевая операция и его полк в приказе за 1983 год был отмечен как лучший полк соединения и объединения.

Политработники раздали офицерам и солдатам фотографии Ахмад Шаха Мосуда ниже текст: «Перемещается под охраной шести телохранителей. Гордый и непримиримый воин. Хитрый стратег и грозный враг шурави».

«Условия были тяжёлые. Сложный горный рельеф Гиндукуша изобилует множеством пещер, расположенных иногда в несколько ярусов. В долинах - система кяризов и подземных ходов. Буквально вся территория в наших одиночных минах, минных полях от прошлых заходов наших войск, схем которых ни у кого не было. К этому добавлялись

Но у Ахмад Шаха Масуда не было сил сдержать наших. Он мог только изредка наносить удары по одиночным машинам или солдатам. Подразделения он видел, но боялся их трогать и уходил, используя сложный рельеф.

...Сначала Маликан, затем столица Панджшера - Руха, потом родной кишлак Ахмад Шаха Масуда - Базараки и, наконец, выход к границе Пакистана. Более месяца непрерывных ожесточённых боёв. Наконец Панджшер был освобождён. 26 апреля в полк прибыл генерал Генералов, который отметил хорошие действия полка и объявил о представлении командира полка Петра Сумана к ордену Красного Знамени и дал команду представить к награждению офицеров. Вместе с Генераловым был ухоженный генерал-афганец, министр ХАД Афганистана Наджибулла. Он сказал: «По афганскому телевидению и радио объявлено, что долина Панджшер освобождена, мирные люди возвращаются в кишлаки. Просьба не распугать стрельбой людей, особенно в ущелье Хазара и Пишгора».

«МНЕ ЖЕ БОЛЬНО, МАМОЧКА!»

Как только речь заходит о Рухе, столице Панджшера, которую освобождали солдаты Сумана, у него перед глазами всплывает одна

и та же душераздирающая картина.

Возле группы офицеров, которых собрал комбат Королёв, стояла БМП с открытым задним люком. Оттуда доносился жалобный, изматывающий в один миг душу, стон и крик раненого солдата, которого надо было быстрее отправить к «вертушкам».

На носилках в десантном отсеке он (потом выяснилось, что это сапёр) лежал без обеих ног. Окровавленные обрубки - куски, оставшиеся от ног, были перетянуты жгутами выше колен, а из-под них торчали мясные лохмотья вперемешку с сухожилиями и раздробленными костями. Сгустки крови заливали брезентовые носилки, образовав в них лужу, всё тело несчастного было в осколках, особенно левая часть, а правая рука неуклюже свисала.

Он посмотрел мутным взглядом на стоявших рядом и жалобно закричал: «Мамочка! Мне же больно!»

Фельдшер батальона закрыл дверь и сказал, подойдя к Петру Романовичу: «Простите, командир, я ничего не смогу сделать. Через 15 минут он умрёт, его уже не спасти. Сейчас мы ему сделаем два укола промедола, и всё».

«И вдруг я вздрогнул от звучно открывшейся двери отсека БМП, - вспоминает собеседник. -

Обернувшись, я увидел, как на обрубленных култях стоял весь окровавленный сапёр. И так чётко и спокойно, посмотрев на фельдшера, он сказал: «Помоги мне, пожалуйста!» И замертво упал

В январе 1984 года Пётр Суман был представлен к ордену Красной Звезды и очередному воинскому званию «полковник» досрочно за проход и разблокирование крепости Саяд, а в апреле 1984 года - за освобождение всей долины Панджшер он представлен к ордену Красного Знамени.

прямо на него. Врач подхватил его и закричал:

–Эй, кто-нибудь, помогите! Подбежали бойцы и стали укладывать смертельно раненого на землю.

–Зачем ты его достал?

–Он всё равно не выживет, понимаешь? «Вертушек» нет и не будет! - кричал на него лейтенант.

–Я его не доставал, он сам встал, без ног, встал и открыл двери, - крикнул ему бледный как смерть фельдшер.

–Брешешь! Не мог он этого сделать, ты бы пожалел хоть его! - орал лейтенант на фельдшера.

НЕЛЕГКО В УЧЕНИИ...

Бывали случаи, когда во время так называемого «преобретения боевого опыта» солдаты получали травмы, а то и вовсе погибали. Их классифицировали как неоправданные боевые потери.

...Так, при прочёсывании кишлака один из солдат, забыв, что патрон находится в патроннике, ударом приклада АКМ хотел сбить замок на калитке. От удара произошёл выстрел. Пуля, вылетев из канала ствола, попала прямо в

лоб. Солдат упал, потеряв сознание. Комбат запросил вертолёт для эвакуации погибшего. Пока подлетал вертолёт, убитый ожил. Все в смятении растерялись и только после поняли, что был рикошет. На этот раз солдату просто повезло.

...Закончив прочёсывание кишлака, личный состав производил посадку на БМП-2. Эта машина при остановке, как правило, «клюёт», а при трогании с места «дёргается» даже у хорошего механика-водителя. Так и произошло. При трогании БМП дёрнулась, и воин, находившийся на броне, не поставив АКМ на предохранитель, невольно ударил оружием о броню. Из ствола АКМ вылетела очередь. Ранения получили молодой замполит роты - лейтенант и два солдата.

...В одном из батальонов боец при экипировке зацепил рычагом гранату в кармане комбинезона за обшлаг (разрез). При движении в тесном месте зацепился, дёрнулся, и рычаг гранаты срезал чеку. Граната взорвалась прямо в кармане комбинезона... К счастью, воин остался жив, но получил осколочное ранение.

...Был ещё один случай. В момент десантирования одного из подразделений из БТР через десантные люки, расположенные на борту между колёс, один из бойцов забыл стальной шлем в боевом отсеке. Он вспомнил о нём, уже выскочив в спешке из машины. Вспомнив, метнулся обратно к люку, надеясь успеть выхватить. Но время десантирования, а оно проводилось всегда быстро и скрытно от противника, закончилось, и колонна брони тронулась. Воин оказался под колёсами БТР...

***P.S.** Каждый прожитый в Афгане день Пётр Романович вспоминает с горечью. «Вот и*

сегодня, боюсь, ночью спать не буду», - провожая меня, говорил он. Но жизнь идёт. Её радость и смысл для Петра Сумана сегодня в семье, в прекрасных внуках-двойняшках. Бывая в гостях у дочери в Париже, он, пешком проходя все его улочки, думал: «А ведь я всего этого мог бы и не увидеть»...

**Беседовада
Юлия МИТРАХОВИЧ, «ГВ».
Фото из архива
Петра Сумана**